

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

СПЕЦНАЗ

**БИТВА
С БОГАМИ**

Сергей Иванович Зверев

Битва с богами

Серия «Спецназ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6530421
Сергей Зверев. Битва с богами: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69151-7

Аннотация

Серия взрывов в православных и католических храмах столицы уносит десятки жизней. Под подозрение в первую очередь попадают радикальные исламистские группировки, так как террористы-смертники перед тем, как взорвать себя и окружающих, призывали уничтожить ложную религию. Поиск организаторов терактов поручают майору Главного управления по борьбе с экстремизмом Сергею Никитину. Вместе с группой спецназа он очень скоро выходит на след преступников, которые, к всеобщему удивлению, оказываются не исламистами, а адептами секты «Правдолюбцы». Сектанты решили устроить конец света и подготовили для этой цели огромную армию террористов-смертников...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	49
Глава 8	58
Глава 9	67
Глава 10	75
Глава 11	80
Глава 12	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Сергей Зверев

Битва с богами

Глава 1

Звонок с того света

«Все, я умер!»

Я встряхнул головой. Но сообщение на экранчике мобильного телефона, лежащего передо мной на компьютерном столе, никуда не исчезло. И от него веяло потусторонним холодом.

Потому что Паша Архимед был человеком слова.

Точнее, когда-то был человеком слова. Но время порой злой волшебник, оно ломает людей. И эта эсэмэска могла быть просто игрой. Его игрой. Или тех, кто решил сделать из него куклу. Или приманку...

Было время, я надеялся на него. Но он не оправдал надежд. Он стал другим.

Люди меняются – это закон природы. С годами меняются взгляды, отношение к жизни. Но остается какой-то стержень, который не дает окончательно согнуться. Когда я видел Архимеда в последний раз, этот его стержень проржавел и почти рассыпался. Передо мной был другой человек. И че-

ловек ли вообще? Или тень? Я не знал. Поэтому не мог довериться ему.

Потом он пропал. Я хотел его найти, понимая, что с ним что-то стряслось. Но тут грянула «Красная суббота» – серия терактов, встряхнувших всю страну, и мы выбились из сил, пытаюсь выйти сначала на исполнителей, а потом и на заказчиков кровавого террора.

А когда я перевел дух, то так и не смог найти Архимеда. Он будто растворился. С квартиры съехал. С родственниками и знакомыми прервал общение. Обрубил все связи. Его мобильник был «мертв».

Однажды прозвучал звонок. И слышался какой-то неживой голос Архимеда:

– Может, мы заслужили это? И они сметут гниль?

– Кто они? Ты что мелешь, Паша?! – возмутился я. – Давай встретимся.

– Они правы, – и он прервал разговор.

Я выяснил, что на связь со мной Архимед выходил откуда-то из района Ленинского проспекта, но мне это ни о чем не говорило – он мог оказаться там совершенно случайно. И вот сегодня его телефон выплюнул жутковатую эсэмэску.

Я постучал ногтем по экранчику мобильного телефона, будто призывая его выдать что-то еще. Позвонил по номеру, но услышал: «Абонент находится вне зоны действия сети».

И что мне теперь делать? Проигнорировать эсэмэс-сообщение и оставить старого товарища и ценного помощника

наедине со своими личными бесами и со своей личной смертью? Это не для меня. Надо попытаться найти его.

Но где искать его в пятнадцатимиллионном городе? Если он вообще в Москве... В программе «Поле чудес» есть такая подсказка – звонок другу. Главное, чтобы друг был сведущий и авторитетный.

– Срочная ситуация. Нужна помощь, – объявил я, набрав номер.

– Что стряслось? – послышался уверенный голос Куратора.

За что я люблю моего руководителя – так это за быстроту реакции. Он моментально въезжает в тему, и через минуту готов план с перечнем исполнителей, необходимых средств и ресурсов. И пока не потеряешь его доверие – можешь смело просить о чем угодно.

– Понял. Принял. Жди, – сказал он.

Дальше – дело техники. Технари за считанные минуты установили, что телефон, с которого пришло сообщение, был активизирован сегодня на полчаса. Использовался только для одного сообщения.

Базовая станция мобильной связи, через которую осуществлялся вызов, покрывала где-то квадратный километр в районе Чертаново. С этим уже можно работать. И совсем не обязательно срываться и бежать на место, совершать хаотические движения. На дворе информационный век со всевластием баз данных и электронных средств слежения. Се-

годня вес имеют не столько связи и деньги, сколько доступ к информации. Есть информация – будут деньги и связи... Я этот доступ имел.

Используя личный пароль, я подключился через компьютер к информационной полицейской системе Москвы, в которую сводятся изображения с видеокамер на домах и в подъездах. При желании можно просмотреть все видеозаписи за достаточно продолжительный период времени. Чем я и занялся.

Через полтора часа глаза мои слезились от напряжения. Но тут я хлопнул ладонью по столу:

– Ну, вот и ты, родной!

Разрешение картинки на экране было неважным. Но все равно видно было достаточно четко, как из подъезда выходит субъект, в котором я с трудом опознал Архимеда. Дело даже не в том, что он осунулся и похудел. Он сдулся. Из движений ушла былая легкость и энергия. Это была оболочка.

– Эка тебя прижало, – прошептал я.

Я просмотрел другие записи с этой камеры. Последний раз стеклянный зрачок поймал Архимеда два часа назад, когда он заходил в подъезд. Оттуда он не выходил, из чего следовало, что сейчас находится там.

Я посмотрел на карту Москвы. Итак, мне ехать часа два, если на машине по пробкам. И где-то час, если на метро.

Мы не гордые. Нам и лучший в мире метрополитен имени Ленина подойдет.

Я натянул невзрачный черный плащ, нацепил кепку. Оружие нам надо? Не надо. Мирный человек идет по своим мирным делам. Пока не видно, в кого стрелять, – значит, обойдусь без ствола.

До метро «Перово» мне десять минут ходьбы – рукой подать. Ну, в путь.

Погода была на редкость гнусная – порывистый ветер, мелкий дождь со снегом, глубокие лужи. Весна старательно обходила столицу стороной, будто и не замечала. В близлежащих областях было уже тепло, весело струились ручьи и светило солнце, а Московский регион зиял на карте России мокрым холодным пятном.

Настроение тоже было тревожное и слякотное. Мне не нравилась погода. Не нравился старый приятель Паша Архимед. И уж совсем не понравилось, что ботинки промокли, а на подходе к цели – длинной, покрытой голубой плиткой девятиэтажке – меня окатил грязной водой из-под колес шустрый «БМВ» с джигитом за рулем.

– Чтоб у тебя хвост с чешуей вырос! – выругался я.

Так, спокойствие, только спокойствие. Я уже на месте.

Двери в подъезды шли со стороны улицы. Нужный мне пятый подъезд – прямо за павильоном «Крошки-картошки», где посетителя радушно потчуют чернобыльской картофелиной-мутанткой величиной с дыню.

Остается узнать квартиру Архимеда.

– Иди сюда, – властно поманил я пальцем дворника-сред-

неазиата, волокущего через двор свою законную добычу – небольшой «Панасоник», выброшенный кем-то из жильцов.

Мой властный тон, свойственный участковым и заслуженным учителям Российской Федерации, возымел моментальное действие. Таджик поставил телевизор и подскочил ко мне.

– Пашу знаешь? – спросил я. – Длинный такой.

– Знаю. А тебе зачем? – насторожился таджик.

– Обнаглел? Родную полицию не признаешь?

– Так бы и сказал, товарищ начальник. Сто одиннадцать квартира, да. Точно. Я ему туда ящик таскал.

– С динамитом?

– Зачем обижать?

– Ладно. Лети дальше, орел.

Домофон не проблема – на этот случай у меня есть универсальная открывашка. Пять секунд – и похожий на отвертку прибор перемигнулся. Замок гостеприимно запищал и щелкнул.

Я поднялся на седьмой этаж.

Вот и квартира. Дверь как дверь. Деревянная, обшарпанная, не новая. Но крепкая.

Я нажал на кнопку звонка.

Никакого отклика.

Толкнул дверь. Нажал на нее сильнее.

Что-то хрустнуло. Дверь подалась.

Я сделал шаг вперед...

Для того, чтобы меня убили!

Глава 2

Новая волна

Началось светопреставление полгода назад.

Сначала были выстрелы.

Вологодская область – из переделанного под стрельбу боевыми патронами газового пистолета на пороге храма Пресвятой Богородицы расстрелян отец Иоанн. Молодой, спортивно сложенный, целеустремленный убийца в серой войлочной куртке с глухим капюшоном не тронул оторопелых старушек, толпящихся в это время у церкви. Только произнес громко и как-то жестянно:

– Ложное слово отольется свинцом!

Через неделю ранним утром во дворе жилого дома в Костроме неизвестные прошили из автомата ППШ времен Великой Отечественной войны митрополита Макария.

«Сгорят ложные пророки» – свидетели хорошо запомнили эти слова.

Потом рвануло взрывное устройство на вечерней службе в Воскресенском соборе в Великом Новгороде. Следом прогремел взрыв в церкви Пресвятой Богородицы в Ростове-на-Дону.

Время от времени сатанисты практиковали подобные публичные жертвоприношения. Полиция боролась с исчадиями

ада с переменным успехом. Вообще версия о какой-то секте свихнувшихся фанатиков подтверждалась рядом обстоятельств. Тут и используемое оружие – переделанные под боевые патроны газовики, стволы времен войны – удел дилетантов. Профессиональный преступный мир и террористы гораздо более требовательны к оружию. И объекты посягательств – религиозные учреждения и представители традиционных религиозных конфессий. И речи о лжи. И демонстративный характер совершенных преступлений. Сектанты – однозначно.

Хотя серия была слишком короткой, чтобы делать какие-либо определенные выводы, но версия сатанистов стала основной у сыщиков, которые связали эти убийства воедино.

Полиция и госбезопасность трудились ударно. Отрабатывали контингент – сектантов, искателей откровений и «истинных духовных путей», психбольных. И без какого-либо толку.

Когда однотипные теракты покрыли значительную часть России, правоохранительные органы пришли к однозначному выводу – действующая разветвленная экстремистская сеть носит межрегиональный характер, у террористов есть источники информации и опорные пункты по всей стране, налажено снабжение оружием и взрывчаткой, разработаны меры противодействия правоохранительным органам, а значит, имеются хорошие консультанты. Обычно такими возможностями обладают исламисты, поэтому появилась еще

одна вполне правдоподобная рабочая версия: экстремистская исламская группировка истребляет оплоты «ложной веры» – христианства. Но тут самодельное взрывное устройство жажнуло на сборище правоверных в Казани. И в Башкирии около мечети, тяготеющей к учению Аль Вахабба, прихожан проредили картечью из проезжающей машины.

Когда почва была удобрена трупами, началась информационная война.

После каждого нового теракта в Интернет сбрасывались сообщения якобы от идеологов этих терактов: «Реки крови смывают сорняки лжи. Священный огонь развеет ложь. Ложь. Ложь...»

Ложь являлась краеугольным идеологическим камнем нахлынувшей волны террора. «Мир погряз во лжи. Ложь серной кислотой разъела души. Ложные кумиры, ложные цели, ложные отношения. Ложь проросла ядовитым плющом. Ложь призывает на головы погрязших в ней гнев Божий. И нет такой цены, которую нельзя заплатить в борьбе с ложью...»

Наших противников мы называли «правдолюбамии».

Несмотря на широкий размах террористической деятельности – за полгода одиннадцать терактов, сорок пять убитых, множество раненых, – расследование зашло в тупик.

Два месяца назад было принято решение поручить координацию работы всех силовых ведомств по тематике «правдолюбамии» Управлению «Н» ФСБ России (нелегальная контр-

разведка). Вслед за этим была подключена группа «перевертышей», состоящая из вашего покорного слуги и еще нескольких терминаторов-затейников, которые находились под моим началом и составляли группу «Контртеррора». Есть в «нелегальной контрразведке» такие законспирированные силовые ячейки, призванные решать проблемы с террористами их же методами.

До сего дня всей правоохранительной машине не удалось установить ни одного исполнителя или заказчика терактов. Никаких реальных следов. Отработка сект не привела ни к чему. С учетом используемого террористами оружия были проведены широкомасштабные мероприятия по «черным копателям», по переделщикам стволов – тоже без видимого результата.

За годы работы я приобрел хорошие оперативные позиции у правых, левых экстремистов, в оппозиции. Много чего знал о воинах джихада и немало отправил их в райские кущи к гуриям. Но тут было что-то другое.

Я поднял все источники оперинформации, переговорил с десятками людей. Никаких подвижек.

Все это было очень странно. Террористы не живут в безвоздушном пространстве. Они ходят с нами по одним улицам, отовариваются в одних магазинах, живут по соседству, дышат одним воздухом. Они не прилетают из космоса. Значит, на нашей грешной земле должны оставаться следы. В воздухе должна витать информация о них. И наши мастера

по поиску следов и извлечению из окружающего пространства полезных фактов должны были наткнуться на что-то. Но до сих пор не наткнулись. Это вызывало недоумение. И тревожило. Даже не просто тревожило – от этого было как-то неуютно, и мерзкий страх холодил позвоночник. Страх неизвестности. И ощущение чего-то большого и жутковатого, притаившегося рядом.

Я готов был осуществить любое внедрение, шагнуть в пропасть или к черту в пасть. Но куда внедряться? Где те люди, которые знают хоть что-то о «правдолюбях»? Их должно быть много рядом с нами. И где они?

И тут я вспомнил об Архимеде. Это был мой старый знакомый, программист от бога. Время от времени я нагружал его различными поручениями, когда требовались услуги хакера или консультации в сфере информационных технологий. Он сильно помог по делу о кибертеррористах – переиграл их на их же поле. Тогда мы предотвратили много бед.

Была у него слабость – время от времени он с головой погружался в различные духовные лжеучения. Тогда взгляд его дичал, и он начинал вещать о гуру, мантрах, мыслеформах, биорезонансе и просветлении сознания.

Полгода назад он совершил очередное погружение в пучины мракобесия. Перед тем как исчезнуть, он заявил мне, что, наконец, нашел свой истинный дао – то есть путь духовного развития.

Он тогда говорил много ерунды, которую в здравом уме

запомнить невозможно. Какие-то вибрации энергий, квантовые переходы человечества, Атлантида с Шамбалой, код Библии. Обычный набор псевдонаучного бреда. Но из всего этого врезались в память несколько слов, которые впоследствии оказались знаковыми:

– Мы все погрязли во лжи. Настала пора смести ее с этой земли.

Ложь! С этим словом на устах террористы врывались в церкви и мечети.

Получалось, что Архимед каким-то боком причастен ко всему этому.

Когда я понял это, то попытался найти приятеля. Но тогда не получилось.

И вот этот звонок. Смертельный звонок.

Глава 3

Бой быков

Я упал на пол.

Мешком. Некрасиво. Неэстетично...

Удар был силен. Бил меня здоровенный громила, больше ста килограммов живого веса, похожий на боевого быка с корриды – ни капли жира, целеустремленная смертельная энергия.

И в кулачище зажат кастет.

Против такого удара шансов у меня не было.

Где было мое хваленое «шестое чувство», когда я толкал дверь квартиры и шагал в дверной проем? Даже слабенько не зазвонил тревожный колокольчик в сознании.

Так вот и гибнут бывалые вояки. Стоит на миг отказать этому самому «шестому чувству», которое не раз выручало в самых гибельных ситуациях, и на твоих похоронах уже играет траурная музыка.

Но это самое «шестое чувство» все-таки включилось – в самый последний момент. Когда на меня снизошла уверенность, что моя черепушка вот-вот будет разнесена вдребезги.

И я сделал единственно возможное – рухнул на пол.

Коррида началась!

Инерция вынесла моего противника чуть вперед, его ко-

лено пришло в соприкосновение с моим плечом – будто трактор наехал. Хорошо удар пришелся вскользь.

Бык отпрянул назад.

А я зацепил руками щиколотки его ног, приподнялся, толкая его больным плечом в область живота.

Такой вот реслинг.

Я тоже парень немаленький и физически неслабый, однако сдвинул тушу с трудом. Но зато результат получился на славу. Противник пролетел через прихожую, снес дверь спальни и тяжело рухнул на линолеум.

Я стал подниматься и краем глаза поймал справа от себя движение. В конце коридорчика, у входа на кухню, стоял куда менее габаритный субъект – коротко стриженный, с пышными усами.

И у него было передо мной огромное преимущество – какой-то корявый, но от этого не менее устрашающий пистолет с наварченной на ствол трубой глушителя. Звук выстрела будет тише, чем от пробки из-под шампанского. Но дырка от этого менее смертельной не станет.

Я резко завалился на бок, стукнувшись о стену – бой проходил в малогабаритной московской квартире, где пируэт не сделаешь.

Чпок – казалось, пуля прошла по волосам и увязла в стене.

Вторым выстрелом он меня достанет – между нами чуть более двух метров. А я лежу на боку, упершись в стену, так что стрелять он будет в упор.

А кто же мажет в упор?

Рука сама вцепилась в ковровую дорожку, и я резко дернул ее на себя. Нет, мой противник не загремел картинно косяками по полу. Он качнулся, скакнул козлом и удержал равновесие.

Но и этого хватило, чтобы предназначенная мне пуля ушла вверх, чиркнула по потолку и срикошетила от стены.

А я камнем, выпущенным из пращи, уже ринулся вперед. И кинолента событий понеслась с нарастающей скоростью.

Два метра. Это один прыжок. А ствол снова наведен на меня. Есть лишь секунда. Сложенные наконецником копы пальцы летят вперед.

Неприятный хруст – это перемалывается горло противника.

Удар силен. Бандит летит на кухню, сносит там кухонный столик. И растягивается у батарее в неестественной позе.

Я по инерции тоже пролетаю туда. Удерживаюсь на ногах, схватившись за дребезжащий холодильник «Атлант».

Любоваться, как усатый подергивается на обломках стола, а из его горла вырывается отвратительное бульканье, у меня нет времени. Этот мне больше не соперник, но сзади еще один.

Нельзя забывать о тех, кто за спиной. Это одна из основ выживания. Нельзя увлекаться. Нельзя почивать на лаврах.

Я оборачиваюсь и вижу в коридорчике быка. Он поднялся, покачивается, но готов к схватке. И он не собирается

вступить со мной в рукопашный бой.

В его руке пистолет – кажется, «вальтер Р1».

Я падаю на колено и кладу ладонь на выпавший из рук усатого пистолет с глушителем.

Даже не подняв оружие, из нижнего положения, нажимаю на спусковой крючок.

Пуля впирается в ступню противника, и он тоже припадает на колено.

Но опять направляет ствол на меня.

Подхватываю пистолет. Еще раз жму на спусковой крючок.

Хлоп – и у быка появилась новая дырка промеж глаз.

Семимиллиметровая пуля – она мелкая, но крепкая и острая. И нет человеческого черепа, который она не возьмет.

Я перевел дыхание и обессиленно уселся на пол, прислонившись к стене с грязными желтыми обоями.

Несколько глубоких вдохов и выдохов. Унять головокружение, чуток приглушить рвущееся из груди сердце.

Хорош! Хватит расслаиваться!

Встаю, все еще сжимая пистолет. Усатый еще подергивается – но не жилец. Еще когда костяшки моих пальцев вошли в соприкосновение с его шеей, я знал, что он уже труп.

Я прислушиваюсь.

Из большой комнаты доносится какое-то постанывание и сопение. Там еще кто-то есть. Но я почему-то на сто процентов уверен, что он не представляет опасности.

Хотя береженого бог бережет.

Я пробираюсь по стеночке. Из небольшой квадратной прихожей идут две двери в комнаты. Дверь в спальню выбита тушей быка. За ней никого.

В столовую дверь закрыта. Отступаю, едва не спотыкаясь о тело бугая. Подаюсь вперед и бью ногой – дверь распахивается.

Держа ствол перед собой, врываюсь внутрь. Пригибаюсь и ухожу влево, готовый в любой момент нажать на спусковой крючок.

Как я и ожидал, старания мои оказались тщетны. В двадцатиметровой комнате, обставленной в традиционном советском стиле – стенка из ДСП, диван и несколько стульев – никакой опасности нет.

Зато там есть Архимед. Вот он, в углу, рядом с опрокинутым на пол ящиком древнего телевизора «Сони-тринитрон». Привязан к стулу тонкими нейлоновыми веревками – порвать их невозможно, а при неловком движении они больно впиваются в кожу.

Мой друг живой!.. Но уже не жилец.

Рот его заклеен скотчем. На лице – кровавая полоса. Мочка уха отсечена.

Но это полбеды.

Живот – сплошное красное пятно. На полу нож с длинным выкидным лезвием. Никаких сомнений – мой приход прервал кровавую расправу.

Архимед дернулся. Приоткрыл глаза. Уставился на меня. Я, насколько мог аккуратно, отклеил от его губ скотч.

– Ты... Чак. Ты... Я знал... Поздно...

– Ничего не поздно. Сейчас «Скорая» приедет. Подлатаем тебя, – попытался я его успокоить.

– Не... не выйдет...

– Выйдет.

– Я... уйду... Возьми записи. Они не – должны...

– Какие записи.

– Тая... Записи... Дом... Тая...

На его глаза навернулись слезы.

– Больно... Они хотели... Я сам... На нож...

– Кто эти уроды?

– Зверь... Он зверь... Ангел Заката... Он главный... Найди... Убей...

Архимед вновь дернулся. По его телу прокатилась судорога. И он обмяк.

Все!

Я научился чувствовать этот момент – сколько раз при мне освобожденная от оков тела душа улетала в неведомые выси. Будто слабый ветер прошуршал.

– Эх, Пашка, как же ты так...

Я находился в квартире с тремя трупами.

И мне оставалось только осмотреть тела и квартиру в надежде найти тут что-то интересное. Устранить следы своего пребывания. И слинять.

И сделать это как можно быстрее.

Глава 4

Кровь и ложь

– Да смоем кровь лживый папский престол! – С этим громогласным кличем ворвался в католический храм Святой Марии на Луганской улице в Москве опрятно одетый мужчина. В стильном длинном плаще он напоминал бизнесмена средней руки, однако отстреливал прихожан, собравшихся на утреннюю мессу, методично и равнодушно, как Терминатор.

Сыпались отстрелянные гильзы. Щелкал затвор восьмизарядного помпового дробовика «ремингтон 870».

Люди падали на пол, прячась под скамьями, по углам храма, выбегали на улицу. Кто-то попытался остановить убийцу, но безуспешно.

Он продолжал уничтожать жертв. Когда кончились патроны к помповику, достал старый «ТТ» и опустошил магазин.

Выстрелы услышал проезжавший мимо наряд вневедомственной охраны.

Сотрудники полиции ворвались в храм.

Убийца только отщелкнул магазин «ТТ» и вставил новый. Высадил пулю в визжащую женщину, прикрывавшую своим телом онемевшую пятилетнюю девочку с большими белыми бантами в пышных волосах.

– Замри, урод! – заорал полицейский, вскидывая автомат.

Убийца развернулся и выстрелил в полицейского. Пуля царапнула шею стража порядка.

Ответная очередь смела убийцу.

– Да падет ложь, – были последние его – слова.

Место происшествия только начала осматривать следственно-оперативная группа, а туда уже слетелись, как вороны, представители телекомпаний, тут же принявшиеся вещать в режиме прямого эфира:

– Убийца не опознан...

– По версии следственных органов, теракт может быть звеном в цепи актов насилия в отношении представителей религиозных конфессий.

– Правоохранительные органы, похоже, самоустранились от раскрытия преступлений. Что ставит вопрос о результативности реформы правоохранительной системы, закончившейся лишь ростом государственных расходов.

И дальше в том же духе. Обычный стон и причитания. Обычные репортажи телевидения катастроф.

Куратор приглушил звук, оставив безмолвные фигуры кривляться перед телекамерами. Пошли кадры с машинами «Скорой помощи», трупами на полу храма.

– Плохо, – сказал Куратор. – «Правдолюбцы» отметились по всем конфессиям.

– Толерантность на марше, – сказал я, прихлебывая крепкий кофе, приготовленный с помощью кофейного автомата,

который пыхтел на кухне конспиративной квартиры. – Чтобы никому не обидно.

– Никак не могу понять, чего они хотят.

– Власти и денег, – пожал я плечами. – Обычным сумасшедшим такие масштабы не под силу.

– Верно. Но какие власть и деньги приобретешь, взрывая церкви?

– Трудно сказать.

– У них есть резоны. Есть цель. Есть план. И это только начало... Ты уверен, что твой покойный друг, как его, Со-
крат...

– Паша Архимед.

– Архимед имел какое-то отношение к «правдолюбам»?

– Не факт. Но похоже на него. Он был склонен к духовным поискам. И вполне мог прибиться к сектантам. Человек незаурядных способностей, он мог представлять интерес для нашего противника.

– И что случилось? Почему он начал подавать сигнал СОС?

– Скорее всего, протрезвел и понял, что попал в болото, которое затягивает его. И надеялся, наверное, на мою помощь. А я опоздал. Ненадолго – на считанные минуты. Но опоздал.

– Не надо только драмы и слез, – пренебрежительно отмахнулся Куратор, не выносивший сантиментов. – Что было, то прошло.

– Вы, как всегда, правы.

Он на самом деле прав. К чему лишние эмоции? Мне и раньше приходилось опаздывать. Терять друзей. И я никогда не размякал от этого, не садился на стакан. Воспринимал это внешне спокойно. Только еще одна гирька ложилась в груз на моей душе, который мне приходилось нести. И однажды этот груз может стать неподъемным.

– Похоже, он сбежал от них, – выдвинул я предположение. – Узнал что-то важное. Они настигли его. Порезы – это интенсивный допрос, чтобы выбить показания... Паша – он был упрямый. И никогда не сдавался, даже когда выхода не было. И дернулся, сам напоровшись на нож. Он всегда говорил, что есть вещи хуже смерти.

– Что нам дает эта ситуация?

– Для начала надо установить личности киллеров, которых я грохнул. И попытаться отследить жизнь Архимеда. Чем он занимался, как попал в сети «правдолюбков».

– Это мы сделаем.

– Учтите, Архимед любил прятать следы. Это была такая игра.

– Но ты все-таки нашел его. Хоть и поздно.

– Значит, он хотел этого.

– Какие еще тут есть варианты?

– Его последние слова, – заметил я. – Как я понял, он оставил нам какую-то записку. Может быть, за ней и приходили киллеры. И интенсивный допрос был связан с ней.

– Если бы он еще и сказал, где эта заначка.

– Он назвал имя. Тая.

– И кто такая эта Тая?

– Одно известно наверняка – женщина. – Я усмехнулся. –

А кто она? Знакомая. Попутчица. Родственница. Не знаю.

– Не густо.

– В вашем распоряжении весь полицейский механизм страны, Александр Аверьянович. Неужели вы не найдете ее?

– Спасибо, что напомнил о моих возможностях. Обязательно воспользуюсь твоим советом.

– И побыстрее, пожалуйста.

– Горазд ты указания раздавать!.. Мы на пороге серьезных событий, Сергей. «Правдолюбцы» заявили о себе в полный голос. И теперь будут публично декларировать свою платформу. Играть на публику. Агитировать. И лгать.

Куратор как в воду глядел.

Через день на канал Си-эн-эн был сброшен меморандум, который тут же был передан в эфир и пошел гулять по мировым СМИ.

Глава 5

Армагеддон в каждый дом

Меморандум, в отличие от большинства многозначительных заумных посланий и заявлений подобного рода, был изложен простым и ясным языком.

«Братство судного дня считает своим долгом уведомить человечество.

Цивилизация в современном виде идет по пути преумножения лжи. Истины затерты и извращены. Мыслители, священники, деятели культуры и науки выстилают мостовую камнями ложных истин, и они ведают, что творят.

Отец Лжи, Дьявол, поселился в каждом из нас. Он ежедневно путает указатели на нашем пути и кружит нас бесконечными запутанными тропинками.

Настали времена, когда пророчества не сбываются. Настали времена, когда святых не слышат. Настали времена, когда ложные идолы учат нас правде и добродетели.

Соппротивление и выстраивание правды внутри себя для человечества невозможно, потому что жизнь во лжи нравится человечеству. Ибо стяжание материального стало тем фетишем, который позволяет радоваться благам земным и закрывает врата небесные.

Эта ложная дорога может быть бесконечной, ибо погряз-

шие во лжи поводыри наделены огромной силой от лукавого. Конец света, который должен был состояться в сотом году, потом Божьей Волей перенесен на тысячный и на двухтысячный года от Рождества Христова, не состоялся. Пророчества разрушены, ткань мира лопнула. Царство Божье не придет!

Не придет?

Придет. Мы приведем его. Мы разделим заблудшее человечество на агнцев и козлищ и бросим его к небесному престолу на суд.

«Что можете вы?» – спросит нас простой человек.

И мы ответим простому человеку – мы можем все.

Мы будем преследовать и выжигать ложь. Мы будем смыть ее огнем и кровью. Нет таких средств, которые мы не готовы использовать, чтобы приблизить Судный Час. Ибо боремся за истинный небесный мир с миром теней, который окружает нас.

На этом пути все прощается НАМ, идущим по верному пути, который указывает нам ПОВОДЫРЬ. Мы освобождены от морали и жалости, от сострадания и боли. Мы можем все. И мы готовы на все. И не будет для НАС преград.

Этот мир будет низвергнут.

Будут низвергнуты лживые храмы и сожжены лживые книги.

Будут вырваны лживые языки.

От Правды не скроется никто.

Спасутся немногие.

Спасутся те, кто идет по нашему ПУТИ. Кто приближает конец времен. Те, кто идет с нами плечом к плечу. И каждому спасенному будет – сделан дар – взять в Царствие Небесное две – души.

Только две – детей, родителей, партнеров – выбор за каждым.

Ждите пятницы. Ждите акт очищения.

Мы любим вас.

И из любви будем убивать».

Обращение взорвало мировые СМИ и Интернет.

«Палачи Апокалипсиса».

«Спасатели-террористы спешат на помощь».

«Армагеддон в каждый дом».

Все средства массовой информации изощрялись как могли по поводу авторов меморандума, которых единодушно прозвали «деструкторами», сокращенно от общепринятого выражения «деструктивный культ». Гиены пера как бесы плясали вокруг адских котлов.

Конец света – один из самых ходовых товаров на информационном рынке. Смещение полюсов. Квантовый переход. Календарь маяя. Всемирный потоп. Потепление. Оледенение.

Время в двадцать первом веке спрессовывается. Каждый день идет по цене месяца. И сегодня дальние прогнозы никого не волнуют.

Это в тридцатые годы известный прорицатель Эдгар Кей-

си мог говорить о конце света в тысяча девятьсот девяносто восьмом году, в красках расписывая, как Америка уйдет под воду. Сейчас полсотни лет вперед никого не интересуют. Сейчас нужно сейчас.

Поэтому конец света будет скоро. «Через год. Через два. Через месяц», – громогласно вещают новоявленные пророки. «Не произошло? Ну что ж, бывает, это я с моими последователями отмолил у Господа еще пару лет жизни для заблудшего человечества».

Единственный раз, когда эта железобетонная отмазка не сработала, – в Южной Корее, которая является своеобразным котлом для различных сектантских течений. Там очередные кликуши заявили конец света на март 1998 года и, как все другие подобные шарахнутые в темечко Вселенским Абсолютом, стали очень споро стричь с народа купоны. Корейская полиция терпеливо ждала означенного срока. Когда конца света не произошло, стражи порядка взяли за манишку лидеров движения – мол, где обещанный Армагеддон? Нет? Ну, тогда вот вам статья за мошенничество.

Сегодня в Армагеддон-культ включены писатели, журналисты, кинематографисты. Сколько было уже этих несостоявшихся концов света! 1998, 2000 годы. А 2012 вообще ознаменовался невиданным шабашем вокруг конца времен по календарю индейцев майя, притом вся эта истерия была умело подогрета Голливудом.

Да, эту карту разыгрывали многие. Но чтобы вот так, с та-

ким размахом и кровью! Что происходит в мире, если такое возможно? Может, действительно конец света близок?

Но есть такая работа – отодвигать концы света. И бить по рукам тем, кто их приближает.

Ничего, и на Ангелов Заката, и на гончих апокалипсиса найдем управу.

Заявление плеснуло керосинчику в панику, тлеющую в обществе. Правоохранительные органы приняли боевую стойку. Полицию перевели на усиленный вариант несения службы. Маршруты немногих патрулей, еще оставшихся после очередной реорганизации МВД, были приближены к храмам и религиозным учреждениям. Оперативные сотрудники перешли на учащенный график встреч с негласным аппаратом. Было создано множество планов по профилактике экстремистских проявлений. Среди стражей порядка воцарилась нервозность, усиливаемая постоянными накачками сверху – усилить, углубить, пресечь, держать и не пущать. В пятницу руководители правоохранительных органов с раннего утра начали пить валокордин и накачивать подчиненных с особой интенсивностью – ведь именно в пятницу Ангел Заката обещал потрясти основы этого мира.

– Пятница, – усмехнулся Куратор при очередной встрече на конспиративной квартире. – Кажется, нелюбимый день Винни Пуха.

– Ослика Иа, – поправил я. – У него был день рождения именно в пятницу.

– Может, Ангел Заката тоже родился в пятницу?

– По-моему, началась игра на изматывание правоохранительной системы постоянными угрозами. Раз в неделю сообщается о теракте. Полиция стоит на ушах. Когда в двадцатый раз все расслабляются и никто всерьез не воспринимает угрозу, происходит большой взрыв. Так что в ближайшую пятницу вряд ли что будет. А дальше – пятниц много.

– И к чему такие изыски – именно пятница? – задумчиво протянул Куратор.

– Такой психологический ход. Одно дело неопределенные страхи – когда-нибудь где-нибудь кого-нибудь грохнут. И другое дело, когда тебе четко говорят – в пятницу. Жди ее. Ожидание – самый страшный стресс. И под этим стрессом держат целый народ.

– Пока не возникнет привычки и люди не перестанут обращать на угрозы внимание.

– Тогда «правдолюбые» придумают что-то еще.

– Значит, думаешь, эту пятницу можем спать спокойно?

– Скорее всего.

– Ловлю на слове...

Мои оптимистические прогнозы не сбылись. Именно ближайшая пятница прогремела взрывом – только не в России, а около православного собора в Киеве, где московские страсти воспринимались отдаленно и несерьезно. Восемь погибших. И одновременно расстрел медресе в Казани. Пять трупов, из них ближайший помощник муфтия Татарстана...

А дальше все катилось по наезженной колее. Истерика в СМИ. Обвинения властей в бездействии. Многолюдные митинги и демонстрации. Призывы разрешить народу вооружаться, если государство не в состоянии его защитить.

Эти теракты явились своеобразной печатью под меморандумом Братства судного дня, свидетельством того, что авторы обращения и террористы одни и те же лица.

Проняло всех не по-детски.

Но откуда все прилетает – никто не знает.

Кто такие «правдолюбы»? Откуда взялись? Это напрягало больше всего.

Аналитики во всем мире изучали меморандум, пытались понять, с кем же имеют дело. Я тоже его перечитывал не раз, пока не выучил наизусть.

Может, культурологи, специалисты по религиозным течениям и скажут что-то более внятное, но меня настораживал деловой тон послания. Ни религиозной мути, ни ссылок на Писание, ни велеречивых фраз. Все четко и ясно, как бизнес-план: «Ребята, мы вас будем убивать. Мы хотим достичь конца света. И получить свою прибыль в виде вечного блаженства. Кто согласен, что это выгодная сделка, приглашается на собеседование. Соцпакет в виде спасения двух (почему двух и не больше?) близких прилагается».

От всего этого веяло не пламенным религиозным безумием, сжигавшим целые цивилизации, а холодом и безжизненностью математики. Страшный голый расчет.

Да, такие люди вряд ли подвержены истерикам и порывам. И вряд ли они будут убивать просто так. Прав Куратор – они нацелены на что-то серьезное.

Но на что? Как узнать об этом?

И кто ты – Ангел Заката? Бред умирающего Паши Архимеда? Или на самом деле лидер «правдолюбков»?

Глава 6

Ангел Заката

Европу заливали дожди, селевые потоки смывали целые поселки, в Италии в некоторых городах можно было на улицах плавать на лодках. В США от жары лопались деревья и горели леса. В Москве температура опустилась ниже нуля и на голову давило низкое серое небо. В Исландии задымился известный своим дурным нравом вулкан. Погода будто бы играла с людьми.

Есть теория, что весь мир – это компьютерная игра, а мы лишь ее персонажи. Тогда игроки пустились во все тяжкие. Погода, люди, государства, экономика будто взбесились.

Хотя я не верю в эту теорию Игры. Я считаю, что человек – это творец судьбы. Просто творцы бывают разного масштаба. Одним с трудом удастся сотворить себе более-менее удачный день и закончить его в баре с кружкой пива и креветками. Другие творят историю человечества. Ну а я?.. А я пишу на живописном полотне истории небольшие зарисовки, которые порой могут изменить общий рисунок.

Такова судьба «перевертыша» – выявлять и давить тех, кто мечтает утопить этот мир в крови. И наносить точечные удары там, где бессильны армии, ракеты, полиция и закон. И тем самым беречь этот мир от бед.

Через полуоткрытую раму проникал холодный воздух. Передо мной стояла большая кружка-термос с кофе, к которому я прикладывался. Голова гудела, а глаза слезились от монитора. Я вращался в колесе Интернета и различных баз данных, как белка в колесе, и пока без особого толка. Наверняка где-то в этих массивах информации кроется крючок, на который можно поймать рыбу. Но вот только где он? Пока я не мог найти ничего, с чем бы можно было работать.

Обычно работа моей группы «перевертышей» по борьбе с террористическими проявлениями, впрочем, как и любого другого оперативного подразделения, строится от факта или от лица.

Первый вариант: получаем конкретную информацию – какой-нибудь Абдулкарим является связью боевиков, готовящих теракты на воздушном транспорте. Мне показывают цель. И я выбираю оптимальную методику.

Тут возможны разные способы работы с Абдулкаримом. Могу попытаться организовать внедрение в его окружение, после чего нанести удар – кого-то арестовать, кого-то свести на ноль, кого-то завербовать для того, чтобы в дальнейшем был способ уничтожать этих самых Абдулкаримов изнутри. Можно, если нет возможности проникновения в организацию, тупо брать за жабры всех, до кого дотянешься, выбивать показания с помощью интенсивной методики допроса, а потом опять – или сдавать следователям, или утилизировать. И идти дальше по цепочке.

Работа механическая. Она требует некоторой изошренности, но тут все более-менее ясно.

Гораздо хуже второй вариант – когда приходится отталиваться от теракта. Вот он, взорванный дом, упавший самолет. И иди, ищи, кто это сделал. Хорошо еще, если душегубы попадутся честные и возьмут на себя ответственность, да и то не факт, что не припишут чужой. Обычно у удачных акций появляется много авторов, потому что авторитет в их мире – это живые деньги, спонсоры, заказчики. Это хороший бизнес.

Ну а когда нет зацепок? Нет исходной информации. Нет никаких намеков на личности террористов. В стране сто соток миллионов человек. В мире – семь миллиардов. Ищи, кто заложил взрывное устройство в вагон метро.

Вот и перелопачивают аналитики тонны бесполезной породы в надежде найти драгоценный камень. Забрасывают агентурщики широкий невод в надежде на значимую поисковую информацию. Отрабатывают опера по камерам арестованных за аналогичные преступления.

Это огромный труд сотен, а иногда тысяч людей. И не факт, что будет успех.

За семидесятые-восемидесятые годы двадцатого века, во времена всесилья КГБ, было всего два нераскрытых теракта с использованием взрывных устройств. Но тогда были другие ресурсы и возможности. И на раскрытие таких преступлений не жалели никаких сил. Например, в 1977 году армянская

террористическая группа Затикяна устроила в Москве три взрыва, в том числе в метро, в результате которых погибло семь человек. Тогда с места происшествия изъяли фрагменты матерчатой сумки. Так проверили каждую фабрику, каждую мастерскую в СССР, которые изготавливали подобные предметы.

Раскрытие «темных» терактов – это огромная работа. И никто не даст гарантии успеха.

Тюкаешься лбом в стенку и не знаешь, где она тоньше, чтобы разбежаться и с ходу пробить ее.

Где пробивать мою стену? Что у меня есть?

Трупы двоих боевиков. Возможно, причастных к «правдолюбам», но это мое личное мнение. Доказательств, что Пашу Архимеда потрошило именно Братство судного дня, нет.

Личность усатого боевика установить не удалось. А громила, который чуть не убил меня кастетом, выплыл по отпечаткам пальцев – клиент оказался достаточно странным. Скоренко Петр Геннадьевич, он же Пьер Скоренко, гражданин Франции. Возраст сорок шесть лет. В середине девяностых, проживая в России, состоял в известной рязанской преступной группировке. Когда за его банду всерьез взялось Региональное управление по борьбе с организованной преступностью, Скоренко от греха подальше бежал во Францию. Решив, что хода назад в Россию ему нет и нужно определиться с дальнейшей судьбой, вступил во Французский иностранный легион. Воевал в Африке в грязных колониаль-

ных войнах, на которые так щедра в последние годы Франция. Чем занимался последние четыре года – не известно. Но французское гражданство получил, при этом умудрился без каких-либо последствий покинуть Легион до окончания контракта.

Что это? Иностраный след? Или стечение обстоятельств?

Въехал Скоренко в Россию полгода назад, чем занимался, где жил – ничего не известно. Какими телефонами пользовался, с кем общался – по нулям. Даже с банковской карты ни разу не сбрасывал деньги.

В общем, мутная история.

Какая у нас еще зацепка? Ангел Заката. О нем упомянул Архимед перед смертью, как о главном гаде. «Найди и убей». Видимо, сильно Пашку прижало, если он, миролюбец и миротворец, призвал к убийству.

В «Энциклопедии мифов и легенд» Ангел Заката значился как провозвестник конца времен, который придет, чтобы увести за собой избранных, покарать неверных. И оставить на произвол судьбы колеблющихся, потому что нет ничего хуже отсутствия убеждений – такие люди не заслуживают ни кары, ни милосердия.

На картинках он изображен закутанным в крылья, как в плащ, с мешком и косой. В мешок он собирает спасенные души. Косой рубит нечестивых. А ногами давит колеблющихся, не обращая на них никакого внимания, как на муравьев.

При этом не было ни одной ссылки на авторитетный письменный религиозный источник, где упоминался бы этот персонаж. В основном он фигурировал в откровениях шарлатанов, имеющих небольшой, но стабильный доход от пропаганды Армагеддона. Была также масса статей и заметок сомнительного содержания, утверждающих, что Ангел Заката описан в каких-то мифических и, скорее всего, несуществующих печатных трудах, типа книги мертвых законов «Некрономикон», выдуманной патриархом жанра мистических ужасиков Говардом Лавкрафтом.

Утвердился в мифологическом сознании этот вестник конца времен в пятидесятые годы двадцатого века. С того времени периодически очередная секта вытаскивала его на свет божий, отряхивала от нафталина и встраивала в новое, самое правильное учение. Ангелу Заката поклонялась секта «прыгунов» во Франции – там в восьмидесятые годы покончило с собой в предшествовании апокалипсиса восемь человек. Прыгунами их называли за экзотический способ самоубийства – сектанты прыгали вниз со скал, небоскребов. В девяностые годы возникло несколько сект в США и Европе, у которых Ангел был в чести, но особенно они ничем не отметились и тихо затухли. В последнее время Ангела Заката просто забыли, как героев старых комиксов. И кто-то вновь вытянул этот образ на свет божий.

Чтобы самому назваться таким звонким именем, нужно иметь немалую наглость... Или искренне слететь с катушек.

Идея выделить силы и средства на поиск мифического персонажа, о котором мы знаем только со слов погибшего Паши Архимеда, энтузиазма у Куратора не вызвала. Но он пообещал поработать над версией. Слово он свое сдержит, и Ангел Заката станет головной болью для многих сотрудников. Но это будет после других, более насущных дел.

А мне подсказывала интуиция – тут можно что-то найти. Поэтому я занялся сбором информации по Ангелу Заката сам.

Сперва прошелся по своим контактам – людям, близким к религиозным общинам, активизировал агентуру. И не узнал ничего конкретного. Вроде кто-то что-то то ли в Библии, то ли в откровениях Иоанна Богослова писал об Ангеле Заката, но это было давно и неправда. Что, были какие-то секты? В восьмидесятые годы? Вы еще Древний Рим вспомните...

Тогда я погрузился в Интернет – всемирную информационную свалку. А там, как на любой хорошей свалке, при желании, терпении и наличии времени можно найти все, что угодно.

К своему удивлению, продравшись через шелуху ссылок на Википедию, компьютерные игры, художественную литературу и творчество душевнобольных, я обнаружил, что в определенной интернет-среде Ангел Заката пользуется популярностью. По большей части на сайтах различных эзотериков, каббалистов и прочих неадекватов. На специализированных форумах было даже несколько тем, посвященных

зловещему персонажу. Шли жаркие споры, к кому его отнести – к легионам сатаны или божьему войску, когда будет час его прихода и стоит ли идти за ним.

От псевдонаучной и псевдорелигиозной риторики у меня пухла голова. Я просмотрел сотни страниц форумов, пытаюсь найти что-то стоящее. Меня угнетало, что в то время, когда мои коллеги занимаются серьезным делом – отрабатывают версии, сидят в засадах, зачищают гнезда предполагаемых террористов, я маюсь дурью и читаю вирши полоумных обитателей Интернета. Но с другой стороны, часто засады и задержания начинаются после такой вот кропотливой работы с источниками информации, в том числе и с открытыми.

Отодвинув от себя ноутбук, я отхлебнул из кружки-термоса горячий кофе. Посмотрел на безрадостный мокрый пейзаж за окном. Солнца мне не хватает. Такого, чтобы как прожектор проникло во все серые закоулки этого города. И вся нечисть попряталась бы.

Я прошелся по комнате, сделал несколько гимнастических упражнений на растяжку, прыжком встал на руки и тут же вернулся ногами на грешную землю. Все-таки что-то я еще могу!

Хватит кувырканий. Надо дальше работать.

Я влез на очередной форум под вполне тривиальным названием «Шамбала животворящая». Сколько же я этих Шамбал, Беловодий, Третьих глазов и Тайных доктрин перелопатил.

Так, тут есть ветвь дискуссии, посвященной Ангелу Заката. Почитаем...

Обычные причитания про Армагеддон. И про его проводников. Дискуссия о предопределенности конца времен. А вот это уже, по-моему, поинтереснее.

«Ангел Заката нематериален. Это астральная сущность. Его может видеть только тот, кто открыл духовное видение.

– Да не гони волну. Это реальный мститель. И я его видел.

– Это ты гонишь, Гремлин. Ты гонишь, гонишь, гонишь...

– Твое право не верить. Но от неверия ты становишься слабее. А я видел его.

– И что?

– И стал сильнее. Теперь я знаю то, что ты, тварь дрожащая, никогда не узнаешь с твоим убогим скепсисом...»

Что-то меня кольнуло. Из сообщения получалось, что интернетный хомяк под ником «Гремлин» (это такое фантастическое мелкое существо, которое от попадания на него воды превращается в монстра) видел Ангела Заката. Обкурился и увидел? Или во сне? В астрале?

Гремлин сам и ответил на эти вопросы несколькими сообщениями позже:

«Не колюсь, не пью и не курю. У психиатра не лечусь. Видел. Знаю. Готов ступить на ПУТЬ.

– Ну ты и дурак, Гремлин. Дурак, дурак и еще раз дурак.

– А ты живешь во лжи. Во ЛЖИ и сгинешь, не поняв ничего...»

Оп-па. Зацепочка...

Не такая сильная. Скорее всего, бесполезная. Но ведь чем черт не шутит...

Гремлин – потенциальное чудовище, если верить сказкам. Как тебя искать, будущий друг мой? Что мы имеем на тебя. Сайт, где ты постоянно дохнешь. Ник с изображением мохнатой мультяшной рожицы. Что из этого можно вытянуть? Я думаю, немало. Тут работа для технарей. Сам я в этом не особо компетентен.

Жалко, Паши Архимеда нет. Он бы поднял всю подноготную этого Гремлина, залез бы в его компьютер и выудил всю информацию. Он был хакер от бога. С ним не нужны мне были никакие технические службы ФСБ. Вся информация, разлитая по Инету, была в его власти.

Эх, Пашка, Пашка...

Я взял телефон спецсвязи, исполненный под обычный айфон, и вызвал Куратора. Изложил ему ситуацию.

Тот был озабочен и, казалось, пропускал мимо ушей мои откровения об интернетных баталиях.

– Не ахти какая зацепка, – закончил я рассказ. – Но надо отработать.

– Какая зацепка? – вдруг вспыхнул, как порох, Куратор. – Что ты меня своими подростковыми фантазиями грузишь?

– Что стряслось? – удивился я такой реакции.

– Очередной меморандум «правдолюбков» опубликован. Обещана на среду серия терактов.

– Расслабьтесь. Все равно практика показывает – нашей профилактике грош цена. Поэтому просто приготовьтесь считать трупы.

– Типун тебе на язык, умник. Работай, а не майся дурью.

– Выбросить дурь из головы нетрудно, но жалко, – отметил я. – Надо отработать этого интернет-клоуна. Может, хоть какой-то толк будет.

– Надо, так отработаем.

– Жду информации по нему...

Через два дня на электронную почту мне пришло краткое досье на Гремлина. Там была фотография – из личного дела в Университете связи. Лицо худое, изможденное, глаза какие-то пустые и нездешние. Не как у наркомана. Как у... Трудно сказать... Как у нечистой силы...

В миру он Осипов Дмитрий Владимирович, двадцати годов от роду. Домашний адрес. Справка – родился, крестился, адреса проживания, родственники. Приписка – в Университете не появлялся неделю.

Что дальше? Взломанная переписка с сайта. Распечатка звонков с мобильного телефона за год с компьютерным анализом наиболее частых контактов и абонентами. Листы с эс-эмэсками.

Ну и чего резину тянуть? Сейчас и начнем по нему работать.

На сайт он не выходит – затеять с ним переписку не удалось. Будем действовать прямолинейно, с помощью телефо-

на. Сошлюсь на «Гендальфа» – это его оппонент с форума, они скидывали друг другу телефоны на электронную почту.

Главное, зацепиться языками. По ходу будем импровизировать. Чего-нибудь придумаю в зависимости от того, куда разговор пойдет. Не впервой.

Мобильный не отвечал.

Что у нас еще? Его городской телефон.

Я взглянул на часы. Семь вечера. Все должны быть дома.

Набрал домашний телефон. И услышал женский голос – приятный, но вроде как изможденный.

– Диму можно?

– Дима уехал.

– Давно?

– Три дня назад.

– Надолго?

– А вам какое дело? Я ничего не хочу о нем знать.

– Он же ваш сын? – ляпнул я наугад.

– Сын? Он чудовище! Чудовище!!!

Глава 7

Миссионер

Краснокирпичный, с острыми башенками и стрельчатыми окнами, храм Святой Марии на Луганской улице, с одной стороны, был совершенно чужд московскому городскому ландшафту. От него веяло сахарной картинностью швейцарских городков, а заодно отблесками средневековых аутодафе. И вместе с тем он вписался в столицу России, которая испокон веков поглощала и адаптировала под себя все архитектурные стили и направления, приобретая диковатый и вместе с тем завораживающий вид.

Конечно, я не ожидал увидеть, заходя на порог храма, кровавые следы недавней бойни. Но в воздухе искрилось электрическое напряжение и отчаяние недавно свершившейся здесь несправедливости, ощущался терпкий запах бе-ды.

Здесь шел убийца, отстреливая, как в тире, прихожан. Интересно, о чем он думал? Скорее всего, ни о чем. Человек, творящий такое, как компьютер, обрабатывающий программу. Шаг, выстрел, кровь, новые очки в игре. Наверное, и умирать ему было не страшно.

Мне нужен был настоятель этого храма Марк Загурский. Для чего? Меня не интересовали подробности прошедшей

здесь бойни — я имел полный пакет материалов, включая фотографии с осмотра места происшествия, протоколы и аудио-записи допросов очевидцев. Я не великий криминалист и вряд ли увижу то, что укрылось от взора видных специалистов своего дела. Так что в принципе мне здесь делать нечего.

Если бы не одно обстоятельство.

Куратор сдержал обещание и усадил часть аналитиков мониторить ключевые слова «ложь... воцарение Правды» и еще некоторые из арсенала «правдолюбов».

Среди собранного ими информационного мусора я наткнулся на выложенную настоятелем этого храма в Интернет проповедь о нравственном выборе между Богом и нечистым. Там эти ключевые слова были. Не то чтобы они полностью коррелировали с меморандумом и призывами «правдолюбов», можно было бы не обращать на проповедь внимания — таких тысячи. Вот только так совпало, что через месяц после этой проповеди храм Санта Марии подвергся кровавому нападению.

Случайность или нет — проповедь падре и последовавшая расправа? Сколько угодно можно строить версий, начиная от того, что Загурский сам Ангел Заката и налет организовал с целью отвести от себя подозрения, и кончая тем, что «правдолюбам» не понравилось нарушение их монополии на борьбу с Ложью.

Куратора эта тема не вдохновила — он посоветовал мне не

маяться дурью. Людей он на проработку давать не собирался. Он и так выделил ресурсы на версию Димы Гремлина, который якобы видел Ангела Заката. Теперь шеф привычно стонал, что у него исчерпаны сотрудники и ресурсы.

Я тоже не особенно верил, что это перспективное направление расследования. Но решил для очистки совести взглянуть на святого отца и место бойни. Может, что-то и екнет в груди.

Я поднялся по ступеням, истертым тысячами ног прихожан, и ступил в храм.

Сейчас был промежуток между службами. Убранство храма было достаточно скудным, но затейливые витражи и несколько мраморных статуй присутствовали. Были также плоские католические свечи, похожие на таблетки для разогрева еды, используемые туристами. Помещение делилось рядами скамеек – католики не привыкли выстаивать службу.

Я огляделся в полутьме. Увидел мальчонку лет пятнадцати, чистого видом и душой, в белой одежде, собирающего огарки свечей, и спросил, где падре.

– Он назначал вам? – деловито осведомился мальчонка.

Как в офисе. График встреч. Оказание услуг. Бизнес-планы. Католики традиционно расчетливы и регламентированы. Запад, однако.

– Я из полиции, – сказал я.

Лицо мальчишки поскучнело, и он удалился в служебное помещение.

Не было его минут пятнадцать – уж не подался ли в бега при виде полицейского?

Наконец он вернулся и объявил торжественно:

– Святой отец ждет вас.

За массивной металлической дверью располагался маленький коридорчик, через который мы прошли в просторное помещение.

Настоящий офис – принтер, факс, мебель из кожи и стали. Полстены занимала картина маслом с видом на Ватикан. На полке стояли деревянные фигурки католических святых.

Марк Загурский выглядел вполне ожидаемо. Типичный католический священник – высокий, поджарый, коротко стриженный, с породистым удлинённым лицом и внимательными глазами. Одет в черную сутану с белым подворотничком. В общем, смотрелся стильно и убедительно. Улыбнулся стандартной улыбкой на сто баксов. Поднялся из-за стола и протянул мне руку.

Я пожал жесткую сильную ладонь, продемонстрировал удостоверение и представился:

– Главное управление по противодействию экстремизму, майор Никитин.

– Слушаю внимательно. К сожалению, в – последние дни я не обделен обществом ваших коллег.

– Ничего не поделаешь. И вы, и мы заинтересованы в том, чтобы найти и покарать преступников.

– Все в руках божьих, – потупился Загурский. – Только

ему дано карать.

– Нашими руками, – усмехнулся я.

– Вопрос воли божьей, свободы воли человека и предопределения весьма сложен и с давних времен является одним из основных предметов религиозных диспутов, – казенно улыбнулся в ответ падре и жестом указал мне на свободное кресло.

Кажется, начинался религиозный диспут, что не входило в мои планы.

– Боюсь, что не силен в теологии. – Я устроился в неудобном офисном кресле. – Нам больше душегубы с маньяками милее...

– Спрашивайте. В меру своей компетентности я отвечу.

Я задал несколько стандартных вопросов о произошедшей трагедии. Ничего нового не надеялся узнать. Меня больше интересовала реакция моего собеседника.

Он производил впечатление человека сильного, уверенного в своей правоте.

Насколько я знал, Русская Православная церковь не слишком рада тому, что именно он является настоятелем храма. Слишком большую он активность развил, перетягивая на себя паству. Светился в СМИ, устраивал массовые акции. Выходец с Западной Белоруссии, он закончил католическое учебное заведение в Италии. Несколько лет служил в Ватикане, четыре года назад назначен настоятелем храма в Москве. Поговаривают, является негласным представителем

Ватикана в России.

Одно время работал в Африке, занимаясь миссионерской деятельностью. И от этих привычек не мог отойти до сих пор. По имеющимся договоренностям, католики обязуются не заниматься в России прозелитизмом, однако такое разделение сфер влияния, кажется, падре не слишком устраивало.

– И все-таки, зачем расстреливать верующих? – спросил я, выслушав рассказ Загурского.

– Убийцей движет сатана. Будучи не в силах сокрушить наши души, нечистый сокрушает наши тела.

– Ваше мнение – убийца пришел конкретно за кем-то? Может, за вами?

– Не думаю. Он двинулся в храм целеустремленно, как ракета. Не искал никого, не высматривал меня. Он сразу открыл стрельбу. Меня в тот момент в помещении не было. Поэтому я сужу обо всем со слов прихожан. Они все в унисон твердят – это был робот. Просто робот.

– Вас это не удивляет?

– Совершенно не удивляет. Типичная одержимость бесами.

– Думаю, вы знаете, что нападение на ваш храм – лишь эпизод в череде аналогичных событий. Кто-то целенаправленно бьет по представителям основных религиозных конфессий. Цель всего этого? Сокрушить религию?

– Насилием? Это смешно. Римляне разрубали христиан на части и травили львами. Сегодня Рим – оплот христиан-

ства. Судьба религии не зависит от людей. Это, как ни прагматично звучит, территория Господа нашего.

– Но люди могут немало. Могут взрывать храмы. Могут сеять смерть. Могут освободить от оков хаос и приблизить конец времен.

Мой собеседник посмотрел на меня вдумчиво:

– Это вы про тот богомерзкий меморандум так называемых «деструкторов», не сходящий со страниц газет?

– Именно.

– Насколько я помню, там говорится о том, что человечество ушло от божественного предназначения, и только люди могут приблизить конец времен. Но идея порочна в корне. Ибо...

– Это тоже в руках Господа, – завершил я его мысль.

– Именно так.

– И все же вы недооцениваете людей. Особенно когда на их стороне Ангел Заката.

Вбросив эти слова, я напрягся, ожидая реакции. Но ее не последовало.

– Падший Ангел – это Люцифер, – произнес падре. – Он силен, но тоже подчинен замыслу божьему.

– Это что, известно наверняка? – хмыкнул я.

– Этому спору очень много лет. По одной из версий, Господь и дьявол равноценны, одинаково сильны и с равным успехом борются за этот мир. Это альбигойская ересь, которая еще в тринадцатом веке была уничтожена огнем и мечом.

– А что будет, если падший ангел появится в мире людей?

– Не появится. Может появиться только тот, кто присвоит его имя.

– Ладно, мы ушли в сторону. Вернемся к миру людей. Если отвлечься от духовной стороны – кто реально может стоять за «деструкторами»?

– Сатанисты. Меморандум пронизан их риторикой. Хотя сами они вряд ли себя так назовут. Они же считают себя избранными. Спасителями. Как же – они спасают от геенны огненной себя, да еще двух человек, которых им позволено взять с собой в райские кущи. А также открывают врата спасения тем, кого им удастся обратить в свою веру. Но за всеми этими пустыми словами стоит зло.

– Насколько далеко они пойдут?

– А как мы им позволим. Зло занимает ровно столько пространства, сколько мы освобождаем ему в наших душах. Поэтому, как бы ни важна была ваша работа по розыску этих заблудших овец и по их наказанию, все решается на главном поле борьбы – в наших душах. И эти выстрелы в храме – результат тьмы в наших душах. Надо впустить в них свет, и тогда не будут звучать взрывы.

– В ближайший миллион лет это нереально. Человек дуалистичен – в нем есть место и свету, и тьме.

– Но тьма имеет обыкновение распространяться очень быстро, как только представляется такая возможность, – вздохнул святой отец. – С каждым актом насилия у «деструк-

торов» появляются новые сторонники. И чем больше мерзостей они будут творить, тем больше будут находить отклики в слабых душах. Потом они начнут выходить из подполья — естественно, открещиваясь от всей крови и утверждая, что ни при чем. Легализуются через какую-нибудь официально зарегистрированную структуру. И однажды сделают все, чтобы низвергнуть этот мир в Чистилище.

Поговорили мы еще несколько минут. Разговор, конечно, вышел занимательный. Но ни на сантиметр не приблизил меня к цели.

Когда я выходил из храма, меня пробрал озноб. Что-то было неправильно. Или предчувствия глодали?

Глава 8

Блудный сын

Группа, которую Куратор скрепя сердце выделил для работы по Диме Осипову (он же Гремлин), недаром ела свой хлеб. За кратчайшее время удалось собрать информацию по данному персонажу.

Ничем особенным он себя не зарекомендовал. В Московском техническом университете связи и информатики на факультете «Информационные технологии» учился спустя рукава – с тройки на четверку, относился к самому распространенному типу студентов – способный, но ленивый. Учеба его не интересовала, зато со школьных лет он испытывал нездоровую тягу ко всяким псевдорелигиозным и духовным учениям. Отметился и у сайентологов, и в Русском соборе, пытался припасть к источнику мудрости Кришны и даже пару раз прогулялся в оранжевом одеянии и с барабаном, но надолго его не хватило. Он был в вечных поисках. Зависал на паре десятков сайтов, где вел длинные заумные беседы с такими же балбесами.

Время от времени, не удовольствия ради, а чисто для расширения сознания, употреблял легкие и не очень легкие наркотики. Однако наркоманом не стал.

В общем, человек не перетруждался, жил в свое удоволь-

ствие и исправно загружал свою черепную коробку всякой чушью.

Так живут многие. Двадцатилетний возраст способствует поиску цели, погоне за тайной, самоопределению в этом мире. С годами это проходит, если только люди не погружаются в трясину злокачественных идей.

Вот так он и жил – безбашенно, по-дурацки. В целом безвредно.

Жил. И исчез.

Увидел Ангела Заката и исчез.

Случайность? Или какая-то закономерность. В этом предстояло разобраться мне...

– Едем к мамаше фигуранта, – объявил я, когда у метро «Менделеевская» ко мне в машину подсел Робин. – Будем разводить на откровения по поводу ее сынули.

– Да не вопрос.

Я выкликнул моего Робина.

Безобидный с виду, лысоватый, с грустными еврейскими глазами, мой ближайший помощник и друг Робин как никто другой умеет пудрить мозги. А это умение сегодня нам пригодится как никогда.

На улице стоял холод – температура ночью опустилась ниже нуля. Весна продолжала игнорировать столицу России. Зато облачный покров растворился в бескрайней синеве неба, и светило холодное солнце. В США в результате невиданного урагана погибло пятьдесят шесть человек. Венецию

затопило. В Исландии стояла жара. Погода чудила все сильнее и сильнее. Люди сходили с ума все настойчивее. И возникало ощущение какого-то сдвига порядка вещей, который, как нам еще недавно наивно думалось, установлен на веки вечные. Пространство планеты Земля трещало по швам.

А мы – я и Робин, два донельзя странных человека, ехали по своим странным делам, которые вполне могут потрясти земную ось.

Анна Алексеевна Осипова проживала в двухкомнатной квартире в девятиэтажном доме на Алтуфьевском шоссе. Воспитывала сына одна. Отец затерялся где-то на бескрайних просторах России.

Набрав на домофоне универсальные цифры допуска, мы проникли в подъезд и поднялись на девятый этаж. По информации службы наружного наблюдения, которая пасла адрес, Осипова была дома. Одна.

Я вдавил кнопку звонка. Без всяких там плебейски опасных «кто там?» дверь открыла высокая, не ниже метра восьмидесяти, сухоощавая женщина с мускулистыми руками, в футболке и потертых джинсах.

Было в ней что-то неуловимое, что отличало выпускников технических вузов, отдавших годы жизни работе в бесчисленных научно-исследовательских институтах, которые испустили дух с началом в России эпидемии демократии. Так и было – она долгое время проработала конструктором в закрытом НИИ «Кулон», пока не сбежала оттуда из-за безде-

нежья – надо было как-то обеспечивать сыну образование и сносную жизнь.

– Здравствуйте. Мы из Университета связи. Я из ректората, штатный психолог. А это наш сотрудник отдела кадров, – кивнул я на Робина и продемонстрировал заранее припасенный документ – пропуск в Университет с указанием должности.

В ректорате были предупреждены о том, чтобы в случае, если женщина начнет им названивать и проверять неожиданных гостей, ей бы ответили – есть такие, точно, посылали. Все-таки у ФСБ до сих пор остается множество возможностей, в том числе для решения таких вопросов. Особенно чекисты были традиционно сильны в высших учебных заведениях.

– Что с ним опять? – недружелюбно осведомилась Анна Алексеевна, приглашая нас в квартиру.

– Не беспокойтесь, – произнес я, стягивая туфли и надевая предложенные пушистые тапочки. – Успеваемость – тут у него все терпимо. Но его несколько дней не было на занятиях.

– Его проблемы исключительно психологического характера. Неразрешенные внутренние конфликты, которые, если их не купировать, могут привести к надлому психики, – завел Робин убаюкивающую песню. – Мы не призваны карать. Мы хотим, чтобы он реализовывал на сто процентов свой немаленький потенциал.

Робин действительно мог бы стать неплохим психологом. А как психоаналитик – так вообще бы озолотился. Но он стал снайпером. А потом дезертиром. Но это совсем другая история.

Мы расселись в большой комнате стандартной московской двушки. Из мебели здесь был просторный, на полкомнаты, диван, три кресла, полутораметровая плазменная панель на стене, множество полок с книгами, посудой и недорогими сувенирами из разных концов света – алюминиевыми Эйфелевыми башнями, гипсовыми сфинксами, деревянными тайландскими жабами, приносящими деньги. Стены тоже были завешаны всяческими заморскими дарами – папирусами с изображениями египетских богов, шелковыми китайскими рисунками. Все это отражало род занятий хозяйки квартиры – она являлась директором небольшой туристической фирмы.

Она налила чай в большие фарфоровые кружки, стоящие на журнальном столике рядом с блюдами с вареньем и песочными пирожными.

– Я его воспитывала одна. – Голос у нее сухой, даже равнодушный, но нетрудно было догадаться, что за показным равнодушием скрывается буря страстей. Она была похожа на человека в отчаянии, который держится из последних сил. – Дима всегда был чувствительным, умным ребенком. И очень увлекающимся. Началось все с этих мерзких программ обучения. То курсы по раскрытию личности, то сайентологи в

школы повадились. И ребенок стал меняться. Хулиганить перестал. Но книжки эти чертовы... Эти Шамбалы, гуру, Блаватская с Эдгаром Кейси.

Она горько вздохнула и зажгла сигарету:

– Не возражаете?

– Нисколько, – произнес Роб проникновенно сочувственным тоном – ох, артист.

– Потом попал в кришнаитскую секту. Сколько сил стоило вытянуть его оттуда. Потом были еще какие-то сектанты – сыроеды, экстрасенсы. Я им потеряла счет. И каждый раз они, с его слов, оказывались продвинутыми людьми, в них он ощущал опору. Малообразованные негодяи превращались в его воображении в мудрых носителей истины. Год назад он взялся за ум. Учился. А потом...

– Что потом? – нетерпеливо спросил я.

– Это как рецидив у наркоманов. Он ничего не рассказывал, но я поняла – снова попал в цепкие когти очередного гуру. Опять стал поздно приходить.

– А вы не в курсе, с кем он связался на этот раз? – осведомился Робин.

– Ну, конечно же, опять с милейшими людьми, которые мечтают наставить его на правильный путь. Эта конторка называется, кажется, клубом творческого развития «Инсайт».

– И что дальше?

– А потом он исчез.

– Как? Взял и бесследно исчез? – недоуменно осведомил-

ся я.

– Почему бесследно? Записку оставил.

– Если там никаких тайн, можно на нее взглянуть? – попросил я.

– Какие там тайны? Одна дурь. – Она поднялась с кресла, подошла к полке, приподняла бронзовую фигуру Будды, которая придавливала сложенный вчетверо листок. – Читайте.

«Ты, как и все, погрязла во лжи. Нас спасет только смерть. Забудь обо мне. Но я буду помнить о тебе всегда».

Такой любящий сын. Недаром мать на эмоциях назвала его чудовищем.

– А это точно его почерк? – спросил я.

– Несомненно, – кивнула Осипова.

– А можно осмотреть его вещи? – взял я быка за рога.

– Вы ведь не из ректората, – пронзила меня кинжальным взглядом хозяйка квартиры.

Я пожал плечами. Конечно, она поняла, что представителям ректората незачем осматривать вещи студента. Но и нам скрываться уже смысла не было. Дальше необходимо было задавать вопросы, которые невозможно объяснить в рамках первоначальной легенды.

Я предъявил полицейское удостоверение:

– Управление по борьбе с экстремизмом полиции Москвы. Работаем по тоталитарным сектам. Ваш сын проходит скорее как жертва.

– Он точно ни в чем не замешан? – напряженно спросила

женщина.

– Чист, как младенец.

– Может, хоть вы вытащите его из этого капкана... Если он жив. – Глаза ее затуманились. Но она решительным голосом произнесла: – Можете осмотреть все в его комнате... Только ничего не найдете.

В маленькой комнате царил идеальный порядок. Мебель была из ИКЕИ – чистенькая, но страшненькая, такую в былые времена в сараях ставили. Деревянные рейки, кровать, крутящийся стул, компьютерный стол с мощным компом. На стене плакат с изображением мистика Саи Бабы, одного из самых знаменитых мистификаторов прошлого века.

Осмотреть комнату много времени не потребовалось. Вещей у Димы было немного. Повозиться пришлось лишь с тремя полками мракобесных книг – пролистывали каждую в расчете на то, что там между страниц лежат документы или записки, которые могут представлять интерес. Простучали полы, стены, осмотрели паркет. Не нашли ничего. Вообще не было ни одной вещи, которая говорила бы о том, что здесь жил живой человек и что эта комната – не выставочный стенд мебельного салона.

Винчестера в компьютере не было. Ни одного диска, флешки, даже записки.

– Он что, всегда жил, не оставляя следов? – спросил я Осипову.

– Нет. Просто перед тем, как уйти, навел идеальный по-

рядок. И забрал несколько любимых книг, а также записную книжку.

– Даже винчестер... Чего он боялся?

– Откуда я знаю?! – вспыхнула хозяйка квартиры. – За что он со мной так? За что?!

– Да ни за что. Просто он себе не принадлежит, – сказал я. – Это не совсем тот человек, которого вы воспитывали.

– И как мне жить?

– Попытаться вернуть его на грешную землю.

Мы потеряли хозяйку квартиры еще вопросами, но не выяснили ничего ценного. Зато Робин на кухне нашел визитную карточку клуба творческого развития «Инсайт».

Значит, нам туда дорога.

– Сейчас поедем в эту мозгомойную конторку? – спросил Робин, поеживаясь от холодного ветра, встретившего нас на выходе из подъезда.

– Давай завтра. Надо присмотреться. Пробить эту шарагу. А то наткнемся на ячейку «правдолюбов», там нас и похоронят.

Глава 9

Последний шанс

Добыть информацию о клубе «Инсайт» оказалось несложно. На них было небольшое досье в московском управлении полиции по борьбе с экстремизмом. Ну и Интернет пестрил рекламами этой конторки, а также восторженными, хорошо подготовленными отзывами о благодетельности воздействия уникальной методики, которую разработал основатель клуба Багир Ахманов.

Насколько я понял, в этом клубе собирали людей для проведения так называемых социальных тренингов. Это означало найти запуганного обывателя, который боится попросить у начальника прибавку к жалованью, и путем несложных манипуляций с сознанием задрать его самооценку до небес, привить комплекс исключительности, научить смотреть на окружающих как на представителей низших биологических видов.

Эзотерикой в «Инсайте» не баловались, пропагандировался исключительно «научный» подход, который на поверку оказывался набором примитивных психологических этюдов.

На тоталитарную секту шарага никак не тянула. К криминалу и тем более терроризму эти пиявки не имеют никако-

го отношения. Обычные разводильщики. Таких конторок в Москве сотни. А дураков они выпускают десятки тысяч.

Эта деятельность не такая безобидная, потому что часто обработанные по таким «научным» методикам люди теряются в жизни – эгоцентризм и сознание собственной исключительности мало кого доводили до добра. Кадровики всех более-менее приличных коммерческих структур от питомцев курсов социальных тренингов шарахаются как черт от лада-на – у ребят наблюдается гигантский разрыв амбиций и реальных возможностей.

Можно было бы не обращать внимания на этот клуб. Вот только рецидив у Димы Гремлина совпал по времени с его посещением.

Нам повезло – в клубе была запланирована рекламная акция с раздачей каких-то подарков, лотереей и лекцией самого Багира Ахманова, члена международной академии информатизации, действительного члена Нью-Йоркской академии наук, секретаря московской ассоциации психоаналитиков и обладателя еще пары десятков подобных сомнительных титулов.

В восемнадцать часов мы расселись в креслах на третьем ряду в актовом зале бывшего детского сада, захваченного «Инсайтом». Народу там набралось с полсотни человек: прыщавые юнцы, тетки бальзаковского возраста – основной контингент подобных тусовок.

Багир Ахманов чем-то походил на цыганского барона –

смугл, волосат, в белом пиджаке, голубой рубашке и малиновом галстуке, с массивными золотыми браслетами на каждой руке. Стиль его выступления был нарочито деловой. Даже – сухой.

Сегодня этот бухгалтерский подход на людей действует куда лучше, чем туманные, велеречивые, наполненные таинственностью и многозначительностью речи, так модные еще недавно. Все просто, вы заключаете честную сделку – вкладываете некоторую сумму в курс совершенствования личности – взамен получаете набор навыков и умений, которые позволят вам занять более высокое положение в обществе, повысить доходы, тем самым компенсировав расходы, и уйти далеко в плюс. Был ты тихим хомячком. После курса ты исключительный, ты хозяин судьбы. И гребешь деньги лопатой. Фетиш – деньги, остальное все приложение к ним.

Мерно вышагивая по сцене, Ахманов трындел, как заведенный, часа полтора. Расписывал блистательные перспективы в стиле Остапа Бендера – Москва станет Нью-Васюками, а Нью-Васюки – Москвой. После этого сжато изложил прејскурант и быстренько свинтил, оставив всю толпу на сухую, как вобла, ассистентку в строгом темно-синем деловом костюме.

Мы устремились за ним в коридор. Настигли его около кабинета с массивной бронзовой вывеской, извещавшей, что здесь обитает сам Багир Ахманов, директор клуба «Инсайт».

– Нам бы переговорить, Багир Абдулатипович, – произнес

я.

– Насчет записи к Светлане Евгеньевне, – дежурно улыбнувшись с отсутствующим видом, сигнализирующим – шли бы вы все – произнес Ахманов и толкнул дверь кабинета.

– Мы сами кого хочешь запишем. – Я подхватил Ахманова под локоть и помахал перед его носом полицейским удостоверением. – Поговорим?

Глаза руководителя клуба воровато забежали, севшим голосом он произнес:

– Попрошу в мой кабинет.

Кабинет был обставлен по-цыгански богато – шелковые портьеры, расписанный под золото потолок, стулья и секретер с бронзовой окантовкой, стол, заставленный блестящими и бесполезными финтифлюшками типа чернильного прибора, массивные фолианты в кожаных переплетах с золотым тиснением. Судя по всему, дела у шараги шли неплохо, если ее хозяин мог позволить себе такой интерьер. С другой стороны – понты дороже денег.

– Чем обязан? – спросил Ахманов, усаживаясь в массивное кресло в стиле ампира во главе стола.

– Многим, – усмехнулся Роб. – Для начала, чем вы здесь занимаетесь?

– Мягкой психологической реабилитацией граждан, находящихся в состоянии психологического стресса, – четко оттарабанил Ахманов. – Вид деятельности прописан в соответствующих учетных и регистрационных документах, которые

я могу вам представить.

– Ах, в документах, – кивнул Робин.

Ахманов сглотнул, поджав недовольно губы, и тут же бросился в бой:

– Если у вас есть ко мне вопросы в рамках ваших полномочий, я готов ответить на них в присутствии адвоката.

Такие заявления надо давить нещадно. И таких типов надо ставить на место жестко.

– Чего? – Я перегнулся через стол и погладил лацкан его пиджака. – Тебе уголовный процесс нужен, душевед ты наш? С судом, прессой и прокурорами? Могу устроить. А для начала прикрою твою богадельню за психологическое насилие над гражданами и экстремизм. С ОМОНОм, как положено. С наручниками и обезьянником.

– Это безумные обвинения! – подскочил он.

– А это мы посмотрим... – многообещающе произнес я. – Ты хорошо подумай и ответь мне, нужен тебе еще адвокат?

– Пока нет.

– Тогда отвечаем на вопросы предельно искренне, четко и по существу. Годится?

– Хорошо, если вы так...

– Много лишних слов, психолог. – Я продемонстрировал фотографию Гремлина. – Был такой тип?

– Был. Кажется, зовут Дмитрий.

– Вы всех клиентов знаете по именам?

– Нет. Но этот запомнился.

– Чем?

– Вроде добросовестный, но не креативный. Зажатый. Мне казалось, он просто отбывает номер. Ему было неинтересно. Но базовый курс прошел. И сертификат получил.

– Зачем ему это было нужно?

– Затем, что мы – это их последний шанс. И они приходят к нам за ним. Они сами себя в корне не устраивают своей ничтожностью. Хотят измениться. Но без посторонней помощи им через себя не перепрыгнуть.

– И вы им помогаете перепрыгнуть?

Ахманов в ответ только пожал плечами.

– Создаете иллюзию, – кивнул Роб.

– Не даем им вздернуться в общественном туалете или перестрелять свой офис.

– Нужное дело делаете, батенька, – съязвил Роб.

Ахманов в ответ лишь злобно ощерился.

– Так и расстались с ним? – поинтересовался я.

– Нет. Он записался на специализированный курс «Объективная самооценка и доминирование в замкнутых социальных группах» на сентябрь... А что, он в чем-то замешан?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Он пропал. Его мать нам написала заявление.

– Найдется. Такие всегда находятся.

– Вы лично проводили у него семинары?

– Не все.

– И как он вел себя на семинарах?

– Я же говорил – тихо. Иногда его прорывало, и он толкал довольно бессвязные речи. Что-то о лжи, комплексе вины. И необходимости всеобщего очищения. Но я такие разговоры старался пресекать. Ни к чему эти псевдорелигиозные бредни. У нас же не секта, а наука. Психотехнологии.

Робин саркастически хмыкнул.

– Напрасно смеетесь, – резко отреагировал Ахманов. – Это технологии, сертифицированные Ассоциацией психологов США.

– А, ну если США, – кивнул я. – А этот Дима – он с кем здесь общался?

– Здесь – ни с кем. Был замкнут. Но однажды я вышел из здания после окончания занятий и увидел его с каким-то мужчиной. Тот держал его за локоть. И что-то вкрадчиво внушал. Я еще тогда подумал, может, он из этих... Из нетрадиционных? Сейчас это модно.

– Все может быть. А что за мужчина?

– Невысокий, какой-то вертлявый, с усами. Неприятный.

– Композиционный портрет составить можете?

– Да что вы? Мельком видел.

– Когда это было?

– Я тогда в ВАК ездил – кандидатскую защищаю. Двадцать третьего марта. Точно – этот день.

Больше ничего выжать из психотехнолога не удалось.

Зато удалось изъять записи видеонаблюдения за двадцать третье марта службы безопасности «Банка Москвы». Стек-

лянное око перекрывало подходы к филиалу банка, захватывало ограду и ворота детсада, оккупированного клубом «Инсайт».

Просматривая вместе с Робинот на моей хате эти записи, я присвистнул.

Запись была цветная. Цвета блеклые, но четкость более-менее приличная – качества – хватило, чтобы рассмотреть Диму и его собеседника.

Я встряхнул головой.

– Что, знакомый? – спросил Робин.

– Мимолетный знакомый.

– Это как?

– Это тот стервятник, которого я уложил на квартире Архимеда...

Глава 10

Эстетика заката

На этот раз Куратор назначил встречу на «Винзаводе», расположенном в 4-м Сыромятническом переулке, что в пяти минутах ходьбы от Курского вокзала. До революции в этих промышленных помещениях располагался пивоваренный завод «Московская Бавария», потом винный комбинат. А сегодня там вольготно раскинулся центр современного искусства.

Не знаю, с какой целью Куратор устраивал встречи в храмах искусства – возможно, проводил надо мной какие-то психологические эксперименты, пытался понять, может ли прекрасное и вечное пробиться сквозь толстую шкуру бывшего спецназовца ГРУ. В общем-то, может. Но редко.

В ожидании Куратора я решил ознакомиться с экспозицией – не зря же сто рублей уплочены. И теперь бродил внутри краснокирпичных промышленных построек, некогда бывших цехами, дегустационными лабораториями, винными подвалами.

Там царил лютый ужас.

Что только не создаст больное воображение. Человеческий скелет с отвисающим в причинном месте батонном колбасы. Картина «Песни мусора» с изображением чего-то

непонятного, но исключительно гнусного. И сам мусор был рядом – какие-то огрызки, ошметки, разложенные в виде геометрических фигур. Скульптура из трех муляжей автоматов Калашникова с подписью «Ассоциация кармических модификаций». Ну и, конечно, длинные ряды картин, скульптур и фотографий с изображениями задниц, грудей и других обычно скрытых одеждой частей тела. Но задниц было больше. К ним творцы испытывали особую тягу, возможно, на этой теме у них произошла психологическая фиксация. Особенно порадовал пылесос, надувающий резиновую задницу.

Были высокотехнологические образцы типа «Адский луноход» – садовая тачка, щедро утыканная антеннами и пружинами. Вдоль стены стояли изогнутые корыта – ржавые, грязные, но что-то там символизирующие – хотя, может, это просто инструмент, оставшийся после рабочих, ремонтировавших помещение, и принятый за экспонат.

Была тут и знаменитая картина «Целующиеся милиционеры» с двумя гомиками в форме – когда-то она вызвала бурю негодования, но на фоне сегодняшних триумфальных побед извращенцев всех мастей воспринималась уже как милый образец патриархального искусства. Дальше шли «Повесившийся милиционер», «Трахающийся милиционер».

И опять задницы, задницы, задницы. В одном месте я застал даже пару живых голых задниц, на которых краской были нарисованы глаза и лица, что вызвало ассоциации с непристойными зековскими татуировками. Их обладатели

умудрялись часами стоять на коленях, удивляя посетителей. Сдержав почти непреодолимое желание наподдать по филевой части тяжелым башмаком, я направился дальше.

Ну а тут выставляется живой классик – стена завешана фотографиями автора, огуливающего различных животных. На фотках художник был гол, убог и мерзок, а животных было жалко.

Серия картин «Источники вдохновения»: «Кокаин», «Метадон» и дальше без остановок.

В обязательном порядке несколько картин на библейские темы, свободно подпадающие под статью о глумлении над религиозными чувствами. Типа сошествие Христа к шлюхам в полицейский обезьянник.

Было ощущение, что основная часть произведений создавалась прямо на месте творцами, распечатавшими здесь нетронутые винные подвалы, да так и павшими в борьбе с зеленым змием – познавшими и «белочку», и алкогольный делирий. Хотя лучше для таких экспозиций подошло бы конопляное поле, а не винзавод.

М-да, искусство как таковое приказало долго жить. Живописные полотна с пасторальными пейзажами и прекрасными дамами ныне не в моде. А в моде инсталляции – когда «художник» бессистемно разбрасывает всякую дрянь на территории размером с комнату – сломанные стулья и компьютеры, разбитые унитазы и гнутые вилки. Это называется авторским взглядом на несовершенство мира. А если среди

этого мусора сидит голая девка – это уже перфоманс.

Около такой обнаженной фемины, уютно пристроившейся в обнимку с приколоченным к фанерному листу писсуаром, я и застыл в задумчивости. За этим занятием меня застал Куратор.

– Любуешься? – спросил он.

– Недоумеваю. Почему нам было не встретиться в приличном заведении типа стриптиз-бара?

– Нужно же тебя встряхнуть.

Мы прошли мимо алюминиевого бака с надписью «Срань Господня».

– М-да, с ликвидацией карательной психиатрии российская интеллигенция лишилась квалифицированной медицинской помощи... Все равно не понимаю – зачем все это? – обвел я рукой зал.

– Зачем искусство заменили на эпатаж?

– Именно.

– Из мира уходит гармония... Лавинообразно растет накопленная цивилизацией информация. А взамен уходит красота.

– Просто победили гнусные извращенцы. – Я кивнул на очередной шедевр – фотографию балерины, пьющей из унитаза. – И это кому-то выгодно.

– Эстетическая трансформация цивилизации направляется теми, кто считает человечество за стадо, а себя определили пастухами.

- За версту видать старого чекиста, который даже в картинной галерее найдет мировой заговор.
- Найдем, – кивнул Куратор. – Кстати, благодарность тебе от командования за Гремлина. Похоже, он действительно имеет отношение к «правдолюбам»...
- Всенепременно имеет.
- Все-таки ты везучий, черт. Мои ребята сейчас работают по его связям. Может, отыщем и его самого.
- Хоть на что-то я сгодился.
- Мы тоже не лаптем щи хлебаем. – Он протянул мне небольшую флешку. – Нашли мы Таю, на которую твой Архимед ссылался.
- Вот это новость.
- Таисия Лопарева. Это не его зазноба и не родственница. Дальняя связь его покойной матери.
- И он пошел к ней в минуту опасности.
- Решил, наверное, что так будет надежнее. Никто не отследит связь... Нам ее взять в оборот или сам справишься?
- Сам, – не долго думая, определился я.
- Группа обеспечения и прикрытия нужна?
- Обойдусь.
- На флешке все данные на нее. Удачи, спецназовец.

Глава 11

Врач высшей категории

– Ну что за вашу мать, – в сердцах воскликнул я, когда длинная железная змея застыла на неопределенное время, не пуская никого за кольцевую дорогу.

Железные кони затоптали все живое в городе Москве. Сожрали зеленые насаждения, дворы, загрязнили воздух. Они перекрыли город, делая движение по нему невозможным. Личная машина – это фетиш. Это престиж, статус. Понты, наконец. И мечта. По большому счету, автомобиль один из недобрых божков современности. Ему поклоняются, приносятся жертвы – перекраиваются города и среда обитания, высасываются недра и человеческий труд. Он же собирает кровавый урожай и завоевывает все новые пространства.

Человечество безуспешно пытается бороться с этим божком. Вводятся свободные от автомобилей зоны. В Пекине четные номера ездят по четным дням, а нечетные – по нечетным. В Шанхае номер на автомобиль стоит дороже самого автомобиля. И все равно автомобили побеждают. А Москва полностью сдалась на милость победителя.

После дезертирства из частей спецназначения Российской армии, улегшись на дно, я работал механиком на автобазе. Я люблю механизмы и знаю в них толк. Но к легковым авто-

мобилиям отношусь как-то равнодушно. Будь моя воля, я бы изгнал их из городов. Вспоминались картинки пятидесятих годов – как тогда представляли будущее. Монорельсовые дороги, скоростные поезда в прозрачных трубах, самодвижущиеся тротуары – вот это высокая цивилизация мегаполиса, которая так и не была построена. Взамен ей наплодили карет с двигателями внутреннего сгорания.

Впереди Ленинградский проспект перегородил начавший разворачиваться и намертво застывший подъемный кран. Это надолго.

Ладно, торопиться особенно некуда. Я положил перед собой планшетник и продолжил изучение файлов, которые мне сбросил Куратор. И пытался прикинуть, как построить беседу с этой самой Таей.

Итак, что о ней известно.

Таисия Николаевна Лопарева. Возраст – пятьдесят восемь лет. Живет в Твери, на окраине города. Хирург городской клинической больницы номер три, врач высшей категории – это обычно люди циничные, прагматичные, внимательные и со своими принципами.

Как с ней работать? Хитростью брать или наглостью? Пожалуй, не нужно никаких комбинаций и тонких изысков. Правильнее будет просто заявиться к ней и в лоб спросить – не оставлял ли мой старый и добрый друг Паша что-нибудь для меня. Не сработает – тогда и будем думать.

До Твери, слава те господи, рукой подать. Если бы не

пробки, был бы уже там.

Наконец кран развернулся, и железная змея двинулась вперед. И началось броуновское движение – каждый пытался быть умнее других.

– Куда ты прешь, баран! – в сердцах воскликнул я вслед подрезавшей меня маршрутке.

Полтора часа я выбирался из мегаполиса. Вырвавшись на оперативный простор, притопил педаль и отдался на волю скорости. И часа через два пересек границу Твери, которая еще недавно была Калинином.

Пообедав в грузинском ресторанчике в центре города – готовили вкусно, цены приемлемые – я вышел на улицу, которая встретила меня мощными порывами холодного, пробирающего насквозь ветра.

В таких резких порывах ветра есть для меня что-то волнующее. В воображении возникает целый сонм обрывков образов – распарывающий бушпритом штормовой океан пиратский бриг, ломящийся через грозовой фронт утлый самолет, отвесный склон горной вершины, которую необходимо взять. В этом есть вызов и преодоление. Терпкий вкус борьбы. Я люблю бьющий в лицо ветер.

Вспомнил, что сегодня объявляли штормовое предупреждение. Как пел Буревестник: пусть скорее грянет буря.

Стоп, хватит забивать голову ерундой.

Я присел на капот моей машины и вытащил мобильник. Пора звонить Таисии Николаевне. Уже полвторого. Если

верны имеющиеся в моем распоряжении сведения, сегодня ее смена до двух.

Я набрал номер. Мне не ответили.

Я сел в свою «Мазду». Позвонил еще. Нет ответа...

Прогулялся по исторической набережной, поглазел на гордые силуэты древних храмов. Город хоть и запущенный, но красивый.

Вернувшись в машину, я откинулся на сиденье и еще раз набрал номер.

– Я вас слушаю, – послышался в трубке усталый женский голос.

– Таисия Николаевна. Здравствуйте.

– И вам того же.

– Вы, конечно, меня не знаете. Мне дал ваш номер Павел Андронов.

– Павел?

– Да...

– Павел, – будто пробуя имя на вкус, произнесла Таисия Николаевна. – И что же вам надо?

– Совершенно не телефонный разговор. Переговорить бы с глазу на глаз. Могу пригласить на чашку кофе. В любом месте, где скажете. Клятвенно обещаю, что не задержу вас надолго.

– Павел Андронов. Паша... Говорите, он номер дал?

Я хотел сказать «да», но прикусил язык. Вспомнил справку с ее данными. Телефон этот она приобрела две недели на-

зад. Сменила по каким-то причинам номер.

– Нет. Он просто назвал вас. А номер я узнал сам.

Молчание на том конце. Потом женщина осведомилась требовательно:

– Извините, а как вас зовут?

– Сергей.

– А по батюшке?

– Сергей Васильевич.

– Да. Павел говорил о вас... У меня сейчас закончилась смена. Подъезжайте на улицу Граермана, около городской клинической больницы.

– Во сколько?

– Когда можете?

– Я на набережной.

– Пятнадцать минут езды. Если не заблудитесь.

– У меня навигатор.

– Хорошо, я вас жду, – произнесла она.

За пятнадцать минут я не справился – навигатор завел не туда. Но через четверть часа был на месте.

Припарковался я в переулке, прямо за черным лакированным, как ботинок сутенера, «Ауди». Метров триста до места встречи прошел пешком. Осмотрелся и сразу увидел Таисию Николаевну – она просматривала журнал около газетного киоска, располагавшегося справа от шлагбаума перед территорией больницы. На ней был длинный золотистый плащ, высокие сапоги. Женщина далеко не первой молодости, но

худощавая фигура, правильные черты лица говорили о том, что когда-то она была чертовски хороша.

– Таисия Николаевна. Я Сергей, – представился я, подойдя к ней.

– Я поняла. – Глаза у нее были цепкие и – умные.

– Пойдемте, выпьем кофе, – я кивнул на кафе «Волгарь», расположенное в трехэтажном доме с острой крышей.

– Тут дорого. Лучше пройдем подальше. Там пиццерия подешевле.

– Дешево и сердито – это не наш выбор. – С улыбкой я указал в сторону забракованного женщиной заведения.

Интерьер был выдержан в старорусском стиле, на стенах развешаны фотографии с изображением старых видов Твери, бурлаков, крестьян и купцов. Мы уселись в уголке рядом с огромным медным самоваром, на стене за моей спиной висели связки баранок.

– Что будете есть? – спросил я, просматривая увесистое меню в толстой кожаной обложке.

– Спасибо, только кофе.

– Ну, хотя бы пирожное.

Уломал ее на тирамису и фрукты. Сделал заказ молоденькой, в красном сарафанчике, официантке. Откинулся на спинку стула, поймав на себе внимательный взгляд собеседницы. Она отвела глаза и произнесла:

– Я убедилась, что вы тот самый Сергей. Павел описал вашу внешность.

– И что говорил обо мне?

– Что вы придете обязательно...

– Тут он был прав.

Значит, Архимед давно чувствовал, что кончится все этим. И в живых остаться не слишком надеялся. Тогда почему не пришел и не рассказал мне все откровенно? Смысл устраивать все эти игры? Просто надо было прийти и сказать – помоги. И я бы вытащил его хоть из преисподней. Но он постеснялся. Скорее всего, до последнего надеялся на другой исход. Решил, что разгребет все сам, но на крайний случай подстраховался.

– Я знаю его с пяти лет, – поведала Таисия. – Он был маленьким, все понимающим мальчишкой-сорванцом. С детства знал все обо всем. Особенно о компьютерах. Мать его была моей пациенткой. Потом стала подругой – из тех, с кем видишься раз в год, но все равно чувствуешь близость. Я любила их семью, Сергей. И жалела их. Им всегда не везло. И эта катастрофа. И Павел потом изменился. И вообще...

Принесли заказ. Таисия отхлебнула небольшой глоток кофе и снова внимательно посмотрела на меня, будто чего-то ждала. Потом глухо произнесла:

– Он жив?

– Нет, – угрюмо ответил я.

– Что с ним стряслось?

– Его убили.

– Кто?

– Я не знаю. Но очень хочу узнать.

Она поставила чашку. Глаза на миг наполнились болью. Но она тут же взяла себя в руки:

– Я вам вряд ли могу чем-то помочь. Я не знаю ничего ни о его занятиях, ни о знакомых, ни о жизни. Он появлялся очень редко... И теперь больше не появится никогда...

Она постучала задумчиво ногтем по фарфору чашки:

– Я одна. У меня нет семьи. Как сын он был мне... Как же жизнь нас всех крутит.

Потом резко произнесла:

– Если можете, найдите этих мерзавцев. Нельзя безнаказанно убивать таких ребят.

– Я найду, – заверил я.

Она открыла сумочку и извлекла из нее конверт:

– Он просил передать вам это.

– Больше ничего? На словах?

– Нет.

Мы допили кофе.

– Давайте доведу вас до дома, – предложил я.

– Нет, спасибо. Я доберусь сама.

Больше говорить было не о чем.

– Извините, если не оправдала ваших ожиданий, – сказала Таисия Николаевна, когда мы вышли на крыльцо.

– Все нормально. Думаю, вы очень помогли.

Я подал ей руку, помогая спуститься по крутым ступенькам.

А потом услышал звук мотора и визг тормозов. Хлопнула дверца.

Я резко обернулся. Увидел голубую «Ладу Приору», а рядом с ней мелкого, сторбленного крысеньша с жалкой бородашкой, в джинсах и матерчатой куртке с капюшоном.

С этим человеком все было неправильно. Его походка, движения, одежда. А самое главное – тот предмет, который он сжимал в левой руке.

В руке у него был пистолет!

Грохнул выстрел.

Глава 12

Дикий Запад

Промедли я секунду, и пуля бы вошла мне точно в шею.

А так она только чиркнула по кирпичу стены, выбив острые осколки.

Все, пошел отсчет в игре на выживание!

Я отпрыгиваю в сторону от крыльца. Падаю на асфальт, болезненно ударяясь локтем и чуть не угодив в собачье дерьмо. Перекатываюсь.

Вестерн, черти вас задери! Дикий Запад!

Еще один выстрел. Опять мимо. Между мной и стрелком расстояние метров десять. Теперь главное двигаться шустрее. И огрызаться огнем.

Мои навыки выработаны годами тренировок и войны. И вообще – мастерство не пропьешь.

Я уже на ногах и двигаюсь рывками вправо-влево. В моей руке уютно устроилась рукоятка компактного «глока 19» с увеличенным двухрядным магазином на девятнадцать патронов.

Еще одна пуля испарывает ткань воздуха совсем близко от меня.

Из «Лады Приоры» выскакивает приземистый хряк в кожаной куртке. И мои проблемы сразу вырастают многократ-

но. У этого бойца короткоствольный автомат.

Американская дуэль. Кто стреляет быстрее и точнее, тот и получит право встретить завтра рассвет.

Ох, спасибо родному спецназу и инструкторам ФСБ – научили нажимать на курок и попадать в цель.

Бах! «Глок» дергается в моей руке.

Стекло машины продырявлено.

Слышится истошный вопль – зачем же так орать. Это себя не уважать. Хотя крик этот радует – в машине кого-то задело.

Вторая пуля калибром девять миллиметров сносит крысеныша с ног.

Третья толкает в бок автоматчика. Тот выпускает из рук оружие и сгибается, проваливается в салон машины. Его уже можно не принимать в расчет.

Знай наших!

Только бы посторонних не зацепило.

Продолжая двигаться, я прыгаю за укрытие – наполненный доверху отходами металлический мусорный контейнер у обочины. Хрен его пулей продырявишь.

– Ложись! – кричу я Таисии Николаевне, так и застывшей на лестнице кафе, как соляной столб.

«Лада Приора» начинает движение. Я выглядываю из укрытия и стреляю в водителя – промахиваюсь.

И тут из опустившегося заднего стекла возникает ствол автомата – богато у них с автоматическим оружием. Слышится оглушительная барабанная дробь выстрелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.